

УДК 379.8.093

Вильчинская-Бутенко Марина Эдуардовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
социально-культурной деятельности
Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств
3055556@rambler.ru

ГЕНЕЗИС ДОСУГОВЫХ ФОРМ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ

Определены причины возникновения и последующего развития новых досуговых форм у фабрично-заводских рабочих России как новой социальной общности второй половины XIX-начала XX вв.

Ключевые слова: повседневный и праздничный досуг, досуг фабрично-заводских рабочих.

Фабрично-заводские рабочие представляют собой отдельную социальную группу, в результате реформ Александра II приобретшую особую значимость и сыгравшую важнейшую роль для дальнейших исторических судеб России. Их целесообразно разделить на три основных пласта: квалифицированные рабочие, составляющие элиту данной социальной страты, рабочие массовых профессий, чья численность впоследствии стала определяющей, и низкоквалифицированные рабочие. Рекрутирование в новую социальную группу осуществлялось в основном из крестьян и мещан-ремесленников (иные сословия в структуре рабочих были представлены несущественно). Многосословность отряда фабрично-заводских рабочих определила специфику обрядовых форм жизни рабочих, обусловив их эклектичность.

Период социально-экономического обновления российского общества на рубеже XIX–XX вв. характеризовался переходом от сословного общества к бессословному и появлением новой субкультуры в лице рабочих, постепенно пришедших на смену сословиям крестьян и мещан-ремесленников. Поскольку «погружение» крестьянина в городской образ жизни означало принятие поливариантности жизненных ситуаций вместо привычного следования традициям, быстрее всего этот переход осуществлялся в условиях столицы и промышленных городов. Высокие темпы урбанизации обусловили не просто появление индустриального образа жизни, но также разрыв российских крестьян-мигрантов с традиционной культурой и атомизацию личности наемного фабричного рабочего, следовательно, создание фабричными рабочими в новых бытовых и культурных реалиях своей субкультуры стало закономерным итогом и способом закрепления самоидентификации с группой.

Vilchinskaya-Butenko Marina Eduardovna

PhD in Pedagogics, Associate Professor of the
Department of Social and Cultural Activity,
St. Petersburg State University of Culture and Arts
3055556@rambler.ru

FORMATION OF LEISURE FORMS OF FACTORY WORKERS

The present article determines the causes and the subsequent development of the new forms of leisure for factory workers of Russia as a new social community of the second half of the 19th and beginning of the 20th centuries.

Key words: daily and celebratory leisure, leisure of factory workers.

Интенсивность пореформенного процесса образования бессословного российского общества, а точнее, – его узкий временной интервал, привели к довольно резкому отрыву фабрично-заводских рабочих от деревенского образа жизни; соответственно, вначале (сразу после реформ) – переносу крестьянских традиций и обрядов в городскую среду обитания, а затем (к началу XX в.) – постепенному их отмиранию в среде городских рабочих. Так, например, трансформации подверглись календарные традиции крестьянского сословия, связанные с поворотными моментами годового цикла. В условиях промышленного производства привязка трудового процесса к календарным периодам слабая, тем не менее, пока рабочие совмещали крестьянский труд с фабричным (речь в основном идет о мануфактурах), предприятия были вынуждены подстраивать рабочий процесс под крестьянский календарный цикл. Искусственным образом появлялись «начало» и «конец» трудового цикла, которые на самом деле в условиях промышленного производства отсутствуют. К календарным производственным традициям, прежде всего, относились «засидки» – обряд, по определению из словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, приуроченный к 1 сентября, т.е. начало домашних работ с огнем. В некоторых местностях (в Тульской губернии) засидками называется время, которое парни посвящают гулянию; они аналогичны девичьим посиделкам [1]. По материалам Н.С. Полищук, в конце XIX – начале XX вв. «засидками» на мелких фабриках Москвы и Подмоскovie отмечался переход на работу при искусственном освещении. В день «засидок», получив от хозяина деньги, рабочие небольшими компаниями отправлялись в ближайшие трактиры, где «за бутылкой, чаем и закуской» отмечали наступление зимнего сезона. С появлением на фабриках

электричества «засидки» прекратились [2, с. 114-130]. Таким образом, фабрично-заводские «засидки» включали в себя весь перечень крестьянско-ремесленного праздника: гуляния и посиделки.

Н.С. Полищук также приводит интересные факты о другом обычае – «замочке машин» (реже – «заправка», «легкий ход»), который сложился только у ткачей, и, по её мнению, определялся особым режимом работы ткацких фабрик и характером формирования этого отряда русских рабочих – в основном выходцев из крестьянского хозяйства, для которого была характерна строгая цикличность работ и сопутствовавшая ей календарная обрядность. Обряд «замочки машин» по времени был привязан к началу летнего сезона работы, конкретно – к первому понедельнику после пасхальной недели (Фомин понедельник). В обычаях крестьян в этот день были обильные угощения и подношения, по этому поводу появились и пословицы: «Не все коту масленица, попу Фомин понедельник», а также – обычай алкогольного возлияния, также отраженный в поговорке: «Фомин понедельник иному лишняя забота [опохмелиться]». По мере ускорения индустриального производства в России подобные обычаи фабричных рабочих все больше утрачивали свою значимость и в начале XX в. остались в виде рудиментов.

Следует отметить, что фабрично-заводские «засидки» и «замочки машин» российских рабочих имеют аналогии не только с крестьянскими традициями, нечто схожее можно увидеть и в цеховых традициях Европы. Так, например, Б. Йордан, исследуя цеховые праздники датских ремесленников, отмечает, что регулярные встречи «проводились несколько раз в год, и уставы ряда цехов фиксируют их «предписанные дни» [3, с. 183]. Кроме того, характеризуя регулярные цеховые встречи, Б. Йордан указывает на целую систему корпоративных мероприятий: сходы (*stacvne*), общие цеховые застолья (*stor embeds kost*), а также попойки (*drik, øl*), пиры (*gilde*), дани (*gerd*) – угощения, устраиваемые поочередно членами цеха в обязательном порядке [4, с. 179].

Наиболее исторически стойкие традиции крестьянского досуга, подкрепленные в условиях города такой же, как и в деревне, невозможностью быстрого обустройства быта для основной массы рабочих и отсутствием инфраструктуры для удовлетворения растущих культурных потребностей, перекочевали в повседневную жизнь рабочих: пассивные и асоциальные формы времяпрепровождения (сплетни, кулачные бои, «спрыски», пьянство). Так, традиции кулачных боев, известные в крестьянском бытовании [5, с. 336] и среди городского простонародья

(мастеровых и ремесленников) средневековой Руси, в XIX в. перешли в городскую среду и активно просуществовали в ней вплоть до Первой мировой войны. Следует отметить, что, если в крестьянском сообществе, где все друг друга знали в лицо, кулачные бои справедливо было бы рассматривать как военно-спортивные состязания (наподобие английского бокса или восточных единоборств), то в условиях города благодаря специфике контактов – анонимности и кратковременности – бойцы друг с другом часто не были знакомы, и подобные забавы приобретали ужасающий характер побоища. Именно крестьянская культура привнесла в городскую социокультурную среду массовость кулачных боев: например, в январе 1903 г. в г. Орехово-Зуеве между рабочими фабрик Саввы и Викулы Морозовых и фабрик Зиминых состоялся кулачный бой, в котором участвовало около 10 тыс. чел., а в Ростове-на-Дону – около 5–6 тыс. рабочих и горожан. В таких массовых баталиях соблюдение правил «спортивного поведения» вряд ли было возможно.

Еще один компонент производственного быта фабрично-заводских рабочих – обычай «спрысок» («магарычей») при вступлении в профессию. Н.С. Полищук отмечает: если «замочки машин» и «засидки» к началу XX в. сохранились лишь на отдельных ткацких фабриках, да и то в виде рудиментов, то «спрыски» просуществовали вплоть до начала 1920-х гг., будучи ни чем иным, как узаконенным фабрично-заводским обычным правом вымогательством денег на выпивку, впоследствии часто приводившим к алкоголизации. В языке костромичей и жителей Ярославля прижился глагол «могарычить», что означало непосредственную связь глагола с понятием выпивки: «выпрашивать могарычи [выпивку], кланчить, канючить». Пьянство как производное от образа жизни в условиях «семейных» фабричных казарм затрагивало не только мужскую часть фабрично-заводских сообществ, но и женщин. Н.С. Полищук указывает на наличие у работниц Центрального промышленного района России обычая «пропоя» или «пропивания помоев», «представляющий собой не что иное, как фабричный вариант традиционных крестьянских «бабских праздников» [6, с.121].

Здесь мы видим существенную разницу между этикой поведения фабрично-заводского рабочего и европейского цехового ремесленника. Во-первых, существовал строгий регламент поведения на подобных мероприятиях. Так, например, Б. Йордан насчитывает в уставах ремесленных цехов до 35 статей против чрезмерного пьянства. Во-вторых, все корпоративные мероприятия европейских цеховиков проходили в закрытом от посторонних глаз пространстве –

как правило, в цеховом доме. Это исключало попадание негативной информации в случае непотребного поведения кого-либо из ремесленников за пределы цеха, на суд широкой публики.

У фабрично-заводских рабочих специальные помещения для проведения досуга (народные дома) появились только в конце XIX в., благодаря инициативам либерально настроенных российских предпринимателей. У непьющей части фабрично-заводского населения особой популярностью пользовались чайные, куда работники и работницы приходили отдохнуть от неустроенности домашнего быта. «В чайной можно было почитать имевшуюся там газету, принесенную с собой книгу; посидеть с друзьями за чаем, послушать лекцию. Но чайных было мало, да и появились они в рабочих кварталах лишь в конце XIX – начале XX вв., с созданием в России обществ трезвости» [7, с. 121]. У пьющей части фабрично-заводских рабочих популярностью пользовались трактиры [8, с. 64]. Поскольку большинство рабочих массовых профессий не обладали достаточной площадью наемного жилья (некоторые снимали не просто «угол», а даже «постель»), то трактир служил местом встречи с земляками и родственниками, приезжавшими из деревни навестить их, трактир был и традиционным местом устройства «спрысок» по любому поводу, в нем устраивались танцы, петушьи бои [9, с. 280] и тому подобные развлечения.

Для привлечения «чистой» публики трактирщики предлагали посетителям газеты и журналы для чтения. Поскольку на всех желающих газет не всегда хватало и, к тому же, не все рабочие разумеи грамоте, то вокруг чтецов вслух часто собирались целые кружки заинтересованных слушателей. Поскольку читали статьи не громко, а вполголоса, чтобы не мешать другим,

трактиры в дальнейшем стали, таким образом, местом революционной агитации, поскольку уследить за тем, какую литературу группе рабочих читает чтец – обычную газетку или принесенную с собой революционную «Искру», «Вперед», «Пролетария», «Правду», «Путь правды» – было трудно. Таким образом, с помощью революционной периодики и разработки новых знаково-символических элементов рабочего движения в рабочем быту стали укореняться новые обычаи: посещение нелегальных сходок, маевек, митингов, демонстраций, «красных» похорон. Новые формы поведения фактически не были новыми, они просто в некотором смысле заменяли традиционные: митинги, сходки, на которых ораторы произносили речи, были аналогичны церковным службам с проповедями; демонстрации, «красные» похороны жертв репрессий – крестным ходом; революционные символы (транспаранты; красные знамена, рубахи и платки; траурные венки с революционными надписями) – христианской символике (хоругвям, иконам, крестам), а революционные песни – церковным гимнам.

Итак, к началу Первой мировой войны у фабрично-заводских рабочих России сложились специфические формы досугового поведения: во-первых, перенесенные из крестьянской среды и адаптированные под условия жизни в городе; во-вторых, сформировавшиеся как продукт городского образа жизни низших слоев населения; в-третьих, формы рабочей революционной обрядности, пришедшие на смену обрядности религиозной и наполненные новым идеологическим смыслом. Кроме того, сформировавшиеся во второй половине XIX-начале XX вв. досуговые формы поведения фабрично-заводских рабочих целесообразно разделять на повседневный и праздничный досуг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/42117/ (дата обращения 12.12.2011)
2. Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997.
3. Йордан Б. «Когда братья пьют вместе...» Положения о цеховых праздниках в средневековых уставах датских ремесленников // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан.
4. Йордан Б. Указ. соч.
5. По мнению В. Харузиной, кулачные бои выступают пережитком древних славянских аграрных обрядов, повышающих плодородие и достаток (чья «стенка» в бою победит, у тех и урожай будет выше). См.: Харузина В. Рецензия // Живая старина. Вып.1. 1916.
6. Полищук Н.С. Указ. соч.
7. Там же.
8. Пискарев П.А. Милый старый Петербург. Воспоминания о быте старого Петербурга в начале XX века. СПб., 2007.
9. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 2006.